

Если бы этому истошному плачу не предшествовало очередное предательство семьи, Бай Инчи, пожалуй, действительно поверил бы его раскаянию.

В народе говорят: глазам верь, а ушам не верь. Но у Лин Сы — человека по природе своей скрытного и сдержанного — эта нарочитая скорбь и внезапный порыв чувств отдавали фальшью. Слишком уж старательно он разыгрывал свою драму.

Он словно пытался не только убедить главу дворца, но и обмануть самого себя.

Бай Инчи изобразил сочувствие и, лишь когда собеседник немного успокоился, спросил:

— И как же тебе удалось найти способ её исцелить?

Лин Сы осушил слёзы и постепенно взял себя в руки.

— Люди из племени Яньло обмолвились, будто у глубоководных водных демонов появилась некая Божественная дева, — заговорил он. — Говорили, её духовные силы безграничны и она способна вызывать к богам. Я подумал, что ей под силу спасти Цзян Нин, и вызвался её разыскать.

И он её нашёл. Божественная дева поведала о древнем водном чудовище Тяньу, чья плоть и внутреннее ядро обладали особыми свойствами. С их помощью можно было перестроить брренное тело Цзян Нин — так она навсегда обратилась бы в демона и обрела спасение.

Обратившись к древним манускриптам и семейным хроникам, Лин Сы отыскал упоминания о Тяньу. Он вспомнил старые слухи: более шестисот лет назад Дворец Небесного Предела объявил о поимке этого зверя. Все давно считали чудовище мёртвым, однако Божественная дева утверждала обратное. Поверив ей, он принялся тайно выведывать место заточения Тяньу, замышлив вместе со своей сообщницей проникнуть во Дворец Небесного Предела и выкрасть его.

Закончив рассказ, он бережно придвинул к собеседнику сложенное письмо и позолоченную плетъ со змеиным хвостом.

— Даю вам слово, глава дворца: как только моя дочь будет спасена, я вернусь и безропотно приму любое наказание. Но до тех пор я должен быть рядом с ней.

Бай Инчи слегка вскинул голову.

— С чего ты взял, глава секты Лин, будто я поверю этому рассказу? Все эти совпадения слишком ладно ложатся в единую цепь, будто ловушка, расставленная специально для тебя. Неужели мне нужно тебе это объяснять?

— Поначалу я и сам не верил, — Лин Сы прямо встретил взгляд Бай Инчи. — Всё казалось слишком уж гладким, я сомневался. Но я своими глазами видел, как Божественная дева отдавала собственную плоть и кровь, чтобы поддержать жизнь в Цзян Нин. Какое отцовское сердце станет предаваться сомнениям, когда перед глазами брезжит хоть призрачная надежда на спасение ребёнка?

— Красивые речи, — Бай Инчи перестал улыбаться. — Твоя история полна прорех, глава секты Лин. Я не верю тебе ни на грош. Возвращайся со мной и ответь перед законом.

Не успело затихнуть последнее слово, как взмах мухобойки-пылевика разнёс барьер в щепки. Бай Инчи в мгновение ока переместился противнику за спину и скрутил его. Но стоило белым нитям стянуть тело Лин Сы, как то обмякло. Оболочка растаяла, обратившись в зловонную кровавую жижу, и наружу показалась мелкая, дрожащая тварь.

Тварь зашла в безмолвном ужасе, мелко дрожа и тщетно моля о пощаде. Её тело стремительно каменело. Как оказалось, Лин Сы использовал этого бедолагу лишь как основу: облепил чудище собственной плотью и глиной, оставив здесь обыкновенное пугало для отвода глаз.

А в стороне, у самого края пропасти, где только что бушевал яростный вихрь, сиротливо покачивались на ветру уцелевшие каменные лотосы.

Дворец Духовной Оси

Два дня спустя...

Бай Инчи битый час расписывал подробности случившегося, пока у него окончательно не пересохло в горле. Хэ Бугуй слушал его так, точно внимал уличному сказителю. Наконец он заварил свежий чай и пододвинул пиалу старшему брату.

— Кое-чего я всё же не понимаю.

Бай Инчи жадно припал к пиале.

— Чего именно?

Хэ Бугуй брезгливо поморщился.

— Этот Лин Сы умудрился предать обеих своих женщин. Никакой великой любви я здесь не вижу — одно лишь дремучее бездушие. И как только у него хватило бесстыдства лить перед

тобой слёзы?

Бай Инчи негромко рассмеялся.

— Хороший лицедей всегда доигрывает роль до конца.

— Дрянй человек, — отрезал Хэ Бугуй и подозрительно покосился на шисюна. — Ты ведь притворился обманутым и отпустил его умышленно? Был уверен, что он бросится обратно к своей Божественной деве?

— Лин Сы слишком хитёр и осторожен, — покачал головой Бай Инчи. — Он не стал бы рисковать всем положением и слепо повиноваться чужой указке только ради призрачного спасения дочери. Здесь явно скрыто что-то ещё.

Эта так называемая Божественная дева использовала колдовство душ, чтобы подчинить Тяньу. Когда дух чудовища покинул оболочку и принялся сеять хаос, adeпты Дворца Небесного Предела предсказуемо бросились проверять Тюрьму Иссохшей Воды. Для Лин Сы это стало идеальной возможностью увязаться следом и на месте вызнать, как именно можно взломать древние печати.

Вода в той темнице забирает любые духовные силы: всякий заточённый там демон мгновенно слабеет и лишается магии. Однако заговорщики подчинили водных тварей помельче — их суета не вызывала подозрений. Собираясь в огромные стаи, они раз за разом бились о барьер, пока не пробили в нём бреши. Через эти трещины в иссушающие воды нескончаемым потоком хлынула свежая плоть и демонические ядра, возвращая пленникам утраченную мощь.

Секта укротителей Юйлин стала для них идеальной ширмой. Они владели тысячами послушных зверей, которых под разным предлогом тайно свозили на гору. Там несчастных тварей забивали, забирая внутренние ядра: часть оставляли на дорогах для отвода глаз, а львиную долю сбрасывали прямо в бездну Тюрьмы Иссохшей Воды.

Напитавшись силой, заточённые демоны воспрянули духом, разбили оковы и вырвались в озеро. Оказавшись на свободе, они принялись неистово пожирать сородичей. Выжили лишь самые жуткие, лютые твари — но вся эта кровавая баня была лишь прикрытием, призванным облегчить побег Тяньу.

— Посуди сам, — прищурился Бай Инчи. — Будь ты на месте Лин Сы, стал бы ты верить в милосердие этой девы к твоей дочери-полукровке, видя, как легко она пускает под нож тысячи невинных созданий?

Хэ Бугуй лишь презрительно фыркнул про себя. Будь он на месте этого малодушного глупца, то при первом же исчезновении возлюбленной со своим взрывным характером перерыл бы землю и осушил моря, но вытряс бы из неё правду. И никакой затянувшейся на годы трагедии просто не случилось бы.

Пылая мыслями о Лин Сы, Хэ Бугуй понимал лишь одно: и как муж, и как отец, да и просто как человек, этот мужчина заслуживал лишь одного клейма — подлец.

Хэ Бугуй с каменным лицом процедил:

— Подонок.

— Его раскаяние и отчаянное желание спасти дочь не совсем притворны, — заметил Бай Инчи. — Если мы правы, у них с этой девой заключена тайная сделка, и он непременно попытается к ней вернуться. Нам остаётся лишь следить за каждым его шагом. Сама Божественная дева скрывается в бездне океана, её следов не сыскать. Единственная ниточка к ней — Лин Сы. Нам необходимо выяснить, чего она добивается своей магией душ и откуда ей известна тайна тела Юй Уцюэ. Возможно... её истинной целью является Город Бессмертия.

Заговорив о Юй Уцюэ, Бай Инчи наконец улучил момент для главного вопроса:

— Младший брат, ты ведь принял Уцюэ в ученики не только для того, чтобы отвадить расспросы старейшин из Обители Безмерности?

— Это лишь одна из причин, — Хэ Бугуй помедлил. Заметив выжидающий взгляд шисюна, он невольно замаялся. — К тому же... так мне больше не придётся искать предлоги, чтобы оставлять его при себе. Раз он мой ученик, я могу со спокойной совестью держать его в Парящем дворце.

Теперь, когда тайна происхождения Юй Уцюэ раскрыта, под защитой имени Бессмертного Тайвэя ему будет куда безопаснее. Разве этот довод не звучит предельно разумно?

Бай Инчи понимающе улыбнулся, сощутив глаза.

— И только? Никаких других причин?

Хэ Бугуй лгать не умел. Он часто заморгал и нехотя признался:

— Есть.

Готовит отменно. С ним за столом веселее. Руки откуда надо растут. Да и за словом в карман не лезет.

Он принялся загибать пальцы, перечисляя достоинства новоиспечённого ученика, уверяя шисюна в своей искренности:

— Как ни погляди, выгода сплошная. Я определённо не остался в накладе.

Бай Инчи не выдержал и покатился со смеху.

— Достоинств и впрямь полно. Вот только звучит это так, будто ты завёл себе не преемника, а расторопного слугу.

Хэ Бугуй удивленно приподнял бровь.

— Шисюн, ты что же, думаешь, я дурака валяю?

— Есть малость, — вздохнул Бай Инчи. — Всё-таки церемония ваша выглядела, мягко говоря, поспешной.

Да уж, поспешность — мягко сказано. Само принятие в ученики походило на мальчишеский каприз, а дары и вовсе вручались с таким небрежным видом, будто Хэ Бугуй просто выгреб из рукавов первую попавшуюся мелочь. В мире заклинателей связям между наставником и учеником, а также обрядам придают сакральное значение, так что опасения Бай Инчи были вполне оправданны: глядя на такое, любой бы подумал, что завтра этот союз рассыплется прахом.

— Я настроен серьёзно, — покачал головой Хэ Бугуй. — Если со временем что-то пойдёт наперекосяк, значит, я просто оказался слеп и глуп. Но это дело далёкого будущего, сейчас-то гадать зачем?

— Выходит, ты и впрямь доволен своим выбором?

— Не то чтобы доволен, — лениво отозвался Хэ Бугуй. — Просто никто другой всё равно не удостоился бы моего внимания. Так что сойдёт.

По его меркам это было высшей степенью признания.

Безумная, почти одержимая страсть к искусству марионеток, которой горел Юй Уцюэ, была самой что ни на есть настоящей. Глядя на него, Хэ Бугуй словно возвращался во времена собственной юности. При этом Уцюэ обладал поразительным талантом и безупречными задатками. Если кому и суждено было передать тайные знания, юноша подходил на эту роль как никто другой.

И всё же, помня о превратностях собственной зловещей судьбы, Хэ Бугуй не мог избавиться от глухой тревоги. Все эти дни его преследовал страх, что в конечном счёте ему придётся провожать ученика в последний путь, обрекая себя на новые душевные муки. А потому он заранее очертил для себя невидимую грань.

Узы наставничества могут быть глубокими, а могут оставаться едва заметными. Хэ Бугуй решил держать дистанцию: пусть их связывают лишь формальные обязательства. Как только мальчишка окрепнет и с головой уйдёт в мирскую суету, Хэ Бугуй просто тихо отступит в тень. К тому моменту, когда разлука или смерть постучатся в двери, они оба уже привыкнут к расставаниям и смогут принять неизбежное с лёгким сердцем.

— В конце концов, много лет назад именно ты принёс этого младенца на руках и дал ему имя, — задумчиво произнёс Бай Инчи. — Похоже, эта нить судьбы была соткана самими небесами.

В памяти Хэ Бугуя всплыл недавний вопрос Уцюэ об игрушечном медведе. Он едва заметно улыбнулся. Кто знает, быть может, это и впрямь судьба.

— Через месяц вы двое отправляетесь в Обитель Безмерности, — напомнил Бай Инчи. — Не нужно ли дать вам надёжных людей в сопровождение?

— Ни к чему, — качнул головой Хэ Бугуй. — Путь туда неблизкий, по глухим горным тропам, идти придётся пешком. Пусть всё, что встретится нам по дороге, станет для Юй Уцюэ боевым крещением.

— И как же ты планируешь утихомирить этих упрямцев из Обители Безмерности?

Хэ Бугуй загадочно усмехнулся и, взмахнув широким рукавом халата, поднялся на ноги.

— Раз уж небеса даровали мне ранг Высшего Бессмертного, грех им не воспользоваться. Всё равно моя слава спесивого самодура гремит на всю округу, так что парой грязных слухов больше, парой меньше — какая разница?

Солнце закатилось за тучи, окаймив их золотом, и сумерки начали медленно опускаться на вершины. Вернувшись в свои покои, Хэ Бугуй устроился во дворе и принялся за записи. В отсутствие Уцюэ местная стряпня казалась ему пресной и безвкусной — покрутив палочками, он отставил тарелку и с головой ушёл в работу. Рядом молчаливо суетился Кунчжи, помогая разбирать стопки книг, принесённые из учебных залов у подножия горы.

— Хозяин, эти дисциплины молодой господин Юй уже освоил, — отчитался слуга. — Куньянь урезал время обучения, но добавил в программу священные тексты. Молодой господин успешно сдал все зачёты.

— А это? От шицзе?

— Бессмертная Тайцин передала, что в фехтовании молодой господин Юй пока слаб и ему не помешает усердие. Здесь собраны руководства по базовым техникам меча.

— Ладно, добавь в расписание. Обучать его будешь сам.

— А как быть с уроками по созданию артефактов? Я просмотрел программу, хозяин. Для молодого господина Юя это пройденный этап, всё слишком просто.

— Зачем ему общие классы, пока я жив? Незачем ему спускаться с горы ради этой ерунды. Пусть в эти часы поднимается ко мне, я стану обучать его лично.

На небе высыпали мириады звёзд, а Хэ Бугуй всё сидел с Кунчжи, выверяя расписание занятий для Уцюэ. Со стороны могло показаться, что он относится к наставничеству небрежно, но на деле он уже вторые сутки ломал голову над тем, как стать достойным учителем.

На простые лекции можно было отпускать Уцюэ вниз, но важные дисциплины Хэ Бугуй намеревался преподавать сам. Ему приходилось тщательно отбирать материал, вычеркивая излишне заумные темы или, наоборот, чересчур банальные. Каждая мелочь требовала вдумчивого подхода.

Какая же это оказалась морока! В довершение всего он уже двое суток толком не ел — пресная монастырская стряпня не лезла в горло. Почувствовав пустоту в желудке, Хэ Бугуй съел пару ложек безвкусного риса, со злостью швырнул кисть на стол и принялся жадно глушить воду.

Кунчжи, заметив его удручённый вид, негромко произнёс:

— Молодой господин Юй, должно быть, придёт в себя уже завтра.

В день спасения раненый Уцюэ пребывал в таком взбудораженном состоянии, что умудрился растревожить швы прямо в полёте, не успев долететь до Парящего дворца. Рассудив, что в таком возбуждении раны не затянутся, Хэ Бугуй без лишних слов отправил юношу в глубокий сон точным ударом по шее, после чего поручил его заботам бабушки Гуань Ся.

Правда, с силой удара он самую малость переборщил: парень проспал двое суток и до сих пор не открыл глаз. Зато раны благодаря уходу затягивались стремительно — будь он на ногах, уже вовсю хлопотал бы у очага.

«Сладкие шарики юаньхуаньси были бы сейчас очень кстати... — мечтательно вздохнул про себя Хэ Бугуй. — Давненько я не лакомился таньюанями в бобовой муке. И хунтунами со свежими креветками...»

Подперев кулаком щеку, он незаметно задремал. На этот раз голодный сон унёс его в далёкое детство.

Когда маленький Хэ Бугуй только попал под крыло старейшины Сюаньцзи, он был изнеженным и капризным ребёнком. Из-за слабого здоровья родители баловали его с пелёнок. Рано покинув

отчий дом, мальчик вырос замкнутым и диковатым. Старейшина Сюаньцзи тогда был совсем молод, и воспитание этого крохи мало чем отличалось от службы при знатном господине. Маленький Хэ Бугуй, похожий на пухлый рисовый колобок, вечно ходил с недовольным лицом, но не прошло и месяца, как он стал признавать одного лишь Сюаньцзи.

Он хвостиком ходил за ним повсюду и ни на миг не выпускал из рук его подол — даже если учителю нужно было отлучиться в уборную, Хэ Бугуй упрямо семенил следом.

Детское сердце устроено просто: ребёнок всем своим существом тянется к тому, кто изо дня в день оберегает его от невзгод.

Он лишился родного крова и больше не надеялся увидеть семью, но старейшина Сюаньцзи стал для него новой крепостью. Малышу было неважно, выдержит ли эта крепость любые осады — главное, что рядом с учителем было тепло и всегда находилось что-то вкусное.

И старейшина действительно относился к нему со всей теплотой, на какую было способно отцовское сердце.

Чтобы хоть как-то развеселить угрюмого кроху, он ловил для него диких кроликов, нёс на закорках в горы за спелой земляникой и катал на плечах по шумным городским базарам, покупая медовые сладости.

Хэ Бугуй, разумеется, и там сидел неотлучно, преданно заглядывая учителю в рот.

Помня кроткий нрав своего наставника, он видел во сне, как тот случайно обжётся брызнувшим из сковороды кипящим маслом. Сюаньцзи зашипел от боли и принялся спешно тереть ладонь о штанину. Маленький Хэ Бугуй, едва доходивший ростом до колена учителя, зашёлся в панике. Понимая, что не дотягивается до раны, он вцепился в его брюки и, заливаясь слезами, закричал:

— Не хочу я больше есть, не надо! Учитель, скорей помажь руку лекарством, брось этот очаг!

Растроганный Сюаньцзи подхватил кроху на руки, прижал к груди и, ласково взъерошив волосы на затылке, тихо спросил:

— Наш маленький Сяо Си уже умеет сочувствовать своему шифу?

Малыш усердно закивал и со всей детской заботой подул на вздувшийся ожог.

Сюаньцзи просиял от счастья и рассмеялся:

— За одно это твой шифу готов хоть всю жизнь стоять у плиты. Ну-ка, садись на скамеечку и

жди. Сейчас у нас будет самый лучший ужин!

Хрупкий призрак сна мгновенно растаял. В носу ещё стоял едва уловимый запах гари от кухонного очага, но лицо уже обдал порыв холодного ветра. Хэ Бугуй невольно вздрогнул. На его плечи было заботливо наброшено чьё-то тёплое, тяжёлое одеяние, и этот внезапный прилив тепла вновь убаюкивал сознание.

С трудом разомкнув веки, он с минуту растерянно смотрел перед собой, не в силах отделить грёзы от реальности.

Перед ним на коленях сидел Юй Уцюэ, наспех набросивший на плечи халат. Он только что укутал наставника и теперь, точно воришка, осторожно приподнимал край ткани, пытаясь подсунуть внутрь тёплую грелку. Наткнувшись на сонный, затуманенный взгляд Хэ Бугуя, юноша замер, но тут же тепло улыбнулся:

— На улице свежо, учитель. Идите в спальню, не нужно сидеть допоздна.

На какой-то миг Хэ Бугуй потерял связь с явью. Сонные грёзы и реальность слились воедино, оставив в душе щемящую, сладкую тоску. Ему отчаянно не хотелось шевелиться. Тепло от грелки, тяжесть одежды, ласковая улыбка юноши — всё это казалось таким же родным, как далёкие объятия его ушедшего учителя.

Он затуманенным взором посмотрел на Уцюэ и едва слышно пробормотал:

— Твои раны... затянулись?

— Всё зажило, — послушно кивнул Уцюэ, устраиваясь прямо у его ног и доверчиво опираясь руками о колени наставника. — Едва открыл глаза, сразу поспешил засвидетельствовать почтение учителю.

— Больше не болит?

Юй Уцюэ послушно качнул головой:

— Ни капли.

— М-м... — Хэ Бугуй медленно прикрыл глаза. — Вот и славно.

Он вновь провалился в сон. Дыхание его выровнялось, а с губ сорвался едва различимый шёпот:

«Шифу...»

А следом, совсем тихо:

«Юй Уцюэ...»

Казалось, он так и не очнулся до конца, продолжая видеть юношу сквозь дымку сновидений.

Юй Уцюэ многозначительно переглянулся с Кунчжи, после чего осторожно вытянул грелку из-под складок одежды и передал её слуге.

Аккуратно перекинув руку Хэ Бугуя через плечо, юноша кивком указал в сторону внутренних покоев.

— Зажги светильники в спальне, — негромко приказал он Кунчжи. — Я сам отнесу учителя.

<http://bllate.org/book/20165/2202020>